

На правах рукописи

Шафер Олег Борисович

**ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

09.00.01- онтология и теория познания

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук**

Томск- 2008

Работа выполнена на кафедре истории философии и логики философского факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Суровцев Валерий Александрович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Сычева Светлана Георгиевна
кандидат философских наук
Винник Дмитрий Владимирович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 20 мая 2008 г. в 14 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.267.01 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, учебный корпус № 4, ауд. № 306.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 34 а.

Автореферат разослан 18 апреля 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.267.01
кандидат философских наук, доцент

Мазаева О.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования:

Онтологическая проблематика пространственных связей и отношений является актуальной для философии как дискурсивной стратегии, направленной на понимание единства и целостности сущего. Эта проблематика сущностно фиксируется в топологических моделях мира, в которых задается и определяется место человеческого таким образом, что человек может ориентироваться и располагаться «в» нем, т.е. пространство имеет экзистенциальную размерность. Поэтому любая онтологическая топология, будь то космология или физика микромира, всегда учитывает Dasein в своих построениях. И соответственно проблемы экзистенциальности пространства являются ведущими в понимании и моделировании пространственных характеристик. Это соответствие выражается тем, что пространство оказывается тем, что локализует в измерении сущее относительно экзистенции. В этом смысле пространственные параметры как способ измерения сущего производны от Dasein и «нагружены» экзистенциальной проблематикой. Можно сказать, что экзистенциальность пространства выражается в его измеримости и человек является мерой пространственности сущего. Поэтому любая топология, так или иначе, ориентирована на экзистенцию, на то чтобы измерять и локализовать сущее относительно человеческого существования. Что и задает философскую актуальность пространства как топологии Dasein.

Другим фактором актуальности данной проблематики является парадигмальная смена оснований экзистенциального дискурса в современной философии. Речь идет об онтологической равноисходности пространства и времени в определении Dasein. Исторически складывалось так, что время являлось приоритетным по отношению к пространству в философских исследованиях экзистенции, наиболее явным образом это выражается в работах И. Канта, Э. Гуссерля, А. Бергсона, «раннего» М. Хайдеггера. Приоритетность заключается в том, что переживание времени интерпретируется как экзистенциальная определенность и первичная смысловая данность присутствия. Пространственность Dasein соответственно имеет производную от времени онтологию или вообще не учитывается как экзистенциально значимое. Эта тенденция в современной философии особенно сильно была изменена постмодернизмом, где экзистенция характеризуется конфигуративностью («лабиринт»- Х. Борхес, У. Эко; «ризома»- Ж. Делез, Ф. Гваттари; «ландшафт»- В. Подорога, Ж. Деррида) и телесностью («тело без органов»- А. Арто, Ж. Делез; «тело»- Р. Барт, М. Мерло-Понти) экзистирования и темпоральность оказывается локализованной в событии (желании, интенсивности, сингулярности). Ж. Деррида в статье «Сущность и грамма» (1972) деконструирует принципиальные для метафизического мышления тезисы о привилегированности настоящего времени («сейчас») и сознания, которые обеспечивают присутствия мира и самого сознания в мире. Согласно Деррида западная метафизика воспроизводит основные противоречия в трактовке времени, зафиксированные еще Аристотелем и приоритет времени должен быть снят бинарной оппозицией пространства-времени, чтобы ввести бытие в поле философского дискурса. Кроме постмодерна значительный вклад в изменение проблематики пространства-времени внесла синергетика (И. Пригожин), которая постулировала необратимость времени не только для живой природы, но и для неживой - «на всех уровнях». Это в свою очередь задает новое понимание пространственности как системного параметра, т.е. со стороны взаимосвязи пространственно-временных характеристик сущего. Таким образом, современная

философия и наука переоткрывают время-пространство, актуализируя топологическую проблематику Dasein.

Также нужно подчеркнуть актуальность топологии Dasein в связи с глобализацией и формированием личностной и культурной идентичности. Сегодня, как отмечает немецкий феноменолог Б. Вальденфельс, телесное «здесь» имеет диффузный и противоречивый характер. Важным аспектом глобализации оказывается то, что телесно-пространственное местонахождение лишается прежнего статуса. Девальвация пространственных ощущений, одновременное стремление к вездесущности и оседлости, характерное для нашего времени, ведут к дезориентации и размыванию границ «здесь». Таким образом, глобализация актуализирует проблему топологической идентичности как бытия на «своем» месте.

Степень теоретической разработанности темы исследования:

Говоря о степени теоретической разработанности проблемы экзистенциальной определенности пространства, нужно сказать, что пространство как топология Dasein сравнительно недавно получило свою философскую определенность и онтологическую глубину. Эта определенность связана, прежде всего, с исследованиями истины бытия М. Хайдеггером, в которых философ, феноменологически и герменевтически зафиксировал онтологическую структуру человеческого присутствия как бытие-в-мире. Данная экзистенциальная конституция как понимание и расположенность является исходной открытостью для собственного существования и потому способна к поиску и обнаружению истины бытия (вообще). Хайдеггер периода «Бытия и времени» (1926-1929) интерпретировал пространственность Dasein через горизонтно-экстатичную определенность времени, считая, что пространство «возникает» как результат неподлинного экзистирования через актуализацию настоящего. После «поворота» (1930) философ пересматривает конституцию Dasein и уже не темпоральность, а язык фундирует открытость бытия для мышления. Соответственно меняется понимание пространства Хайдеггером, он, по замечанию Р. Достал, «подвергает сомнению» онтологическое первенство времени и в своих «поздних» концептах «событие» (er-eignis- нем.) и «четверица» (vierung- нем.) интерпретирует пространство и время как онтологически равные характеристики экзистенции. Все современные исследования топологии Dasein, так или иначе, опираются на хадеггеровские характеристики пространства. Кроме Хайдеггера среди тех, кто оказал наиболее сильное интеллектуальное влияние на исследования экзистенциальной определенности пространства нужно отметить М. Мерло-Понти и П. Флоренского. Мерло-Понти, французский феноменолог, исследовал пространство как опыт тела и показал прямые зависимости пространственных характеристик от тактильных восприятий экзистенции. В частности философом определено, что глубина не является объективной характеристикой пространства и является экзистенциальной проекцией. В целом можно сказать, что пространство Мерло-Понти интерпретирует как среду телесного экзистирования. П. Флоренский, русский философ, в работе «Мнимости геометрии» (1922) раскрывает структуру экзистенциального пространства на материалах «Божественной комедии» Данте. Он считает, что физическое пространство ограничено и отвечает закономерностям неевклидовой геометрии и возможен переход (как в случае Данте и Вергилия) из пространства реального в пространство мнимого, т.е. экзистенциальный выход за пределы физического мира в мир идеальный. Из современных исследований экзистенциальной определенности пространства нужно отметить работы отечественного философа В. А. Конева. Он вводит концепт «Дантовых координат», опираясь на топологические модели Хайдеггера и Флоренского. Данный концепт является средством локализации ценностного, подобно координатам Декарта в геометрическом пространстве он измеряет экзистенцию относительно злого и доброго.

Кроме названных авторов следует отметить работы М.К. Мамардашвили, Ж.-Л. Нанси, А.М. Руткевича, Е.В. Борисова, в которых отражены характеристики пространства «самого по себе», а также даны комментарии к интерпретациям Хайдеггера.

В работах С. Кьеркегора, Н. Бердяева, С.Л. Франка раскрыты сущностные качества экзистенции, а также характеристики экзистенциального мышления как отличного от метафизического мышления.

На степень теоретической разработанности данной проблематики также повлияли в различных аспектах идеи Б. Римана, И.Н. Шкуратова, С.Л. Рубинштейна, З. Фрейда, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Витгенштейна, Д. Дэвидсона, М. Блэка и др.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что проблематика пространственности человеческого существования имеет высокую степень теоретической разработанности, что является важной предпосылкой для научности данного исследования.

Постановка проблемы исследования:

Постановка проблемы исследования основывается на различии экзистенции (существовании) и эссенции (сущности) человека, которое проблематизировал экзистенциализм. Смысл различения состоит в том, чтобы установить актуальность экзистенциального мышления как адекватного экзистенции и найти способ проблематизации пространства как экзистенциально определенного. В данном случае существенным является то, что от того, что будет и как будет локализовано в пространстве, зависит сама определенность пространства. Учитывая основоопределяющий характер настроения как адекватного экзистированию, следует определить место его локализации в пространстве с тем, чтобы посредством данной локализации дать онтологическую характеристику пространства. А также существенным при постановке проблемы является то, чтобы взаимоопределить настроение и мышление относительно экзистенции. Т.е. места настроения и мышления, как адекватных экзистенции, совпадают посредством их адекватности и, потому локализация определяет место экзистенциального настроения как «всеохватывающего понимания» (Хайдеггер). Таким образом, при постановке проблемы экзистенциальной определенности пространства в качестве того, что будет локализовано выделяется определенное настроение, в котором мышление является адекватным экзистенции и место такого настроения выражает место истинного. Эта локализация посредством того, что определена взаимосвязь настроения и истины выражает именно экзистенциальную определенность пространства и выражает это адекватным (истинным) образом. В целом можно сказать, что проблема пространственности человеческого существования состоит в измерении пространства относительно Dasein: в определении того, что, локализуясь, адекватно выражает экзистенциальные параметры пространства, а также в поиске способа локализации соразмерного экзистенции.

Цель исследования:

Цель исследования - это онтологическая интерпретация пространства как экзистенциально значимого.

Задачи исследования:

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач.

1. Дать обоснованную характеристику настроения как адекватного экзистенции и описать взаимосвязь настроения и мышления.

2. Найти способ адекватной локализации настроения в пространстве.
3. Локализовать настроение как соразмерное экзистенции в пространстве и на основе этого выразить онтологические характеристики пространства.

Теоретико-методологические основания исследования:

Методологическими основаниями исследования являются методологические средства - сравнительный анализ, а также феноменологические и герменевтические методы. Сравнительный анализ используется в сопоставлении экзистенциального и метафизического мышления для выделения настроения как адекватного экзистенции, а также для описания сущностных качеств экзистенциального мышления. Герменевтический метод используется для толкования и интерпретации понимания пространства М. Хайдеггером через подручность сущего и посредством *Gegenet* как близости далекого. Также этот метод используется при интерпретации концепта П. Флоренского «пространство Данте» как пространства перехода из области неподлинного экзистирования в область подлинного. Герменевтический метод использован при толковании концепта В. А. Конева «Дантовы координаты» как адекватного способа локализации настроения, а также при интерпретации соразмерности «Дантовых координат» В.А. Конева трактовкам пространства Хайдеггера. Феноменологический метод использовался при описании настроения как адекватного экзистенции, также посредством этого метода было описано область перехода их области подлинного экзистирования к области неподлинного экзистирования (*Deja vu*). Феноменологически было установлено место «здесь-теперь» как начало координат Данте и качественная глубина настроения как адекватного бытийному мышлению.

Кроме методологических средств к методологическим основаниям данного исследования нужно отнести парадигмальные интенции экзистенциального дискурса, которые определяют сущее (пространство в том числе) как относительное экзистенции.

Научная новизна исследования:

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Экстраполирована концептуальная метафора «Дантовых координат» на области экзистирования, размеченные М. Хайдеггером и П. Флоренским, что позволило интерпретировать пространственность человеческого существования как «координаты Данте».
2. Показана взаимосвязь настроения с местом экзистирования посредством того, что настроение является экзистенциальной проекцией осей **координат Данте** на место экзистирования.
3. Дана концептуальная схема интервалов настроения на координатах Данте как онтологическая характеристика пространства.

Положения, выносимые на защиту:

Положения, выносимые на защиту, заключаются в следующем.

1. Онтологические характеристики пространства как экзистенциально значимые выражаются в локализации настроения как адекватного экзистенции. Настроение является непосредственным выражением существования человека и определяет собой интенциональность мышления в «захваченности» (Хайдеггер).

2. Концепт «Дантовы координаты» как соразмерный экзистенциальной определенности пространства М. Хайдеггера и топологической модели П. Флоренского может рассматриваться как онтологическая метафора экзистенциальной локализации настроения и использоваться для моделирования пространственности человеческого существования в «координатах Данте».
3. Настроение выражает место экзистирования («здесь-теперь»).
4. Концептуальная схема интервалов настроения (координаты Данте) выражает онтологические характеристики пространства как экзистенциально значимые.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования:

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что введен концепт «координаты Данте», позволяющий производить пространственную локализацию сущего как экзистенциально значимого. Также значимым для понимания природы пространственных связей и отношений является концептуальная схема интервалов настроения как онтологическая характеристика пространства. Этот концепт адекватно описывает пространство как экзистенциальную значимость и связывает пространственные характеристики с ходом экзистирования, позволяя корректно описывать место экзистенции относительно динамики экзистирования.

Практическая значимость исследования выражается в том, что результаты исследования можно использовать в преподавании теоретических курсов по экзистенциальной философии и психологии, при разработке учебно-методических пособий. При проведении практических семинарских занятий по истории философии и методологии гуманитарных и естественных наук, касающихся прояснения онтологических и гносеологических оснований философского и научного знания, в частности в экзистенциальном и феноменологическом аспекте. Можно также отметить, что проблемное поле диссертации задает перспективу для дальнейших исследований по топологической проблематике Dasein.

Апробация работы:

Апробация результатов и тезисов исследования проходила на всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальной философии» (г. Томск, 2005), «Копнинские чтения» (г. Томск, 2006), региональной межвузовской конференции «Актуальные проблемы социальных наук» (г. Томск, 2006). Содержание исследования отражено в трех публикациях.

Структура работы:

Структура диссертации определена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования и степень ее научной разработанности, определены цель, задачи, методологическая база исследования, научная новизна и положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, обозначается структура диссертации.

Первая глава «Экзистенция. Постановка проблемы» посвящена основной тематике экзистенциальной философии. А именно различению экзистенции и эссенции как основополагающей интенции экзистенциального мышления. Данное различие характеризует экзистенциализм как антиметафизическую философскую установку, отрицающую абстрактность бытия и направленную на континуальное понимание бытия и мышления. Эта континуальность подчеркивает невозможность «полной и исчерпывающей» абстракции бытия в мышлении и выводит к таким феноменальным экзистенциальным состояниям, которые адекватны экзистенции непосредственным образом. Речь идет о настроении, в котором Dasein открыто для себя, так как оно есть. Также феноменологически проблематизируется пространственная размерность настроения как, имеющее пороговую глубину, которая адекватным (истинным) образом отражает бытие в мышлении. Т.е. на основе экзистенциального истолкования настроения как того, что «захватывает и ведет» мышление делается предположение о соответствии глубины настроения экзистенциальным пределам, в интервалах которых, то или иное настроение выводит мышление в точку (и) «всеохватывающего понимания» (Хайдеггер). И соответственно возникает проблема локализации глубины настроения или тех интервалов, в пределах которых мышление адекватно экзистенции. Таким образом, топология Dasein проблематизируется в связи с пространственной артикуляцией настроения как области (топоса) истины. И потому локализация настроения как адекватации бытия и мышления задает адекватную экзистенциальную определенность пространства. Иначе говоря, глубина настроения как открытость бытия для мышления посредством локализации онтологически характеризует пространство.

В заключение первой главы, которая рассматривается как пропедевтическое введение в основную проблематику исследования и как онтологическая модель, в рамках которой задается топологическая проблематика Dasein, делается ряд выводов. Эти выводы касаются сравнительного анализа метафизического и экзистенциального мышления, который постулирует континуальность бытия и мышления в настроении посредством метафоры «экзистенциальной логики». Эта метафора дает корректное представление об умозаключении через настроение- настроение выражает экзистенцию и задает границы мышлению. И истинность высказывания определяется относительно так установленных границ. Также в выводах размечаются следующие главы исследования в соответствии с целью исследования охарактеризовать экзистенциальную определенность пространства. А именно во второй главе предполагается определить экзистенциальность пространства, исходя из пространственности бытия-в-мире, т.е. наметить некоторые общие свойства пространства как экзистенциально определенного. В третьей главе предполагается локализация настроения с учетом результатов исследования, полученных во второй главе.

Вторая глава данного исследования «Интерпретация пространственности человеческого существования. Модели пространства М. Хайдеггера и П. Флоренского» состоит из четырех параграфов и посвящена общей характеристике пространства, исходя

из пространственности Dasein в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера и топологии П. Флоренского.

В первом параграфе «Задачи интерпретации» обозначена задача данной главы как выражение такой определенности пространства, которая позволит корректно локализовать настроение как онтологическую адекватацию. Это значит, что требуется герменевтически установить и феноменологически описать зависимости пространственных связей и отношений от динамики экзистенции, а также интерпретировать способы локализации в топологических моделях М. Хайдеггера и П. Флоренского как коррелятивные. Таким образом, задача поиска способа локализации настроения требует адекватного понимания пространства как соразмерного экзистенции. И предполагается, что герменевтическое и феноменологическое толкование топологий М. Хайдеггера и П. Флоренского как коррелятивных, выявит экзистенциальные структуры пространства как значимые для способа локализации настроения как адекватации бытия и мышления. Также во «Введении» указывается приоритетность топологии М. Хайдеггера в интерпретации экзистенциальной определенности пространства и то, что данная интерпретация будет вестись в русле хайдеггеровского понимания пространства как модальности «мира» и посредством различения собственного и несобственного характера экзистирования.

Во втором параграфе «Пространство как модальность «мира» толкуются пространственные связи и отношения в связи подручностью сущего как целостностью имени дела с сущим как подручным, а также раскрывается пространственность наличного как коррелятивное пространственности другого Dasein. Исходя из онтологической первичности подручного в отношении наличного в формировании экзистенциальной определенности пространства, а также в связи с со-бытийностью Dasein делается ряд выводов. Во-первых, пространство конечно и границы его лежат в пределах подручного как мирокружного (окружающего пространства). Во-вторых, экзистенциально определенное пространство имеет специфическую архитектуру. Оно не однородно в связи с тем, что наличность Других как тел-мест образуют складки и лакуны в «моем» пространстве, а также такая артикуляция Других расширяет «мое» пространство до «общего». Общее можно определить как нейтральное пространство, т.е. такое, которое дает возможность универсального взаимодействия экзистенций. В-третьих, пространство пластично и артикулирует ход экзистирования со стороны подручного и наличного. Это значит, что границы пространства в том или другом экзистировании могут либо расширяться, либо сужаться. Это становится ясным, если сравнить пространство экзистирования через подручность Других и их наличность. Подручность Других делает «мое» пространство качественно меньшим, чем восприятие Других как наличное, поскольку снимается разнородность пространства. Принимая во внимание хайдеггеровское различение экзистирования на собственное (подлинное) и несобственное, можно сказать, что в подлинном экзистировании место Другого остается за Другим и, имея свою размерность, влияет на «мое» пространство. В неподлинном экзистировании, когда Другой является подручным, его особая пространственная размерность не учитывается и игнорируется для более удобного обращения со «своим». Соответственно можно утверждать, что пространство, которое исключает размерность Другого как другого, является качественно меньшим, чем пространство, где Другой не игнорируется.

В третьем параграфе «Собственная и несобственная определенность пространства» освещается экзистенциальная структура пространства в зависимости от способа экзистирования в собственном и несобственном смысле. Также рассматриваются концепты П. Флоренского и М. Хайдеггера: «пространство Данте» и «четверица», которые описывают области подлинного экзистирования и область перехода от неподлинного к подлинному экзистированию. Как отмечалось во втором параграфе - область

неподлинного экзистирования характеризуется пространственностью основанной на близости подручного и целостностью имени дела как системой значений подручного. В третьем параграфе подробно рассматриваются динамика неподлинного экзистирования в модусах «срыва» и «вихрения». Эти модусы выражают экзистенциальную структуру пространства посредством способа движения «в» пространстве, а именно, тем, что пространство определяется падающей цикличностью Dasein. Выражаясь метафорически можно сказать, что область несобственного экзистирования затягивает подобно омуту экзистенцию посредством тотальной калькуляции сущего как подручного. Область перехода от несобственного экзистирования к собственному, через оклик совести, имеет пространственность, которую П. Флоренский назвал «пространством Данте». Эта область характеризуется переворотом «с ног на голову», тем, что небо становится экзистенциально ближе земли. П. Флоренский, основываясь на эпизодах «Божественной комедии» Данте и неевклидовой геометрии Б. Римана описывает пространство как границу действительного и мнимого и переход через границу осуществляется посредством пространственного разлома и выворачивания тела через самого себя. Такую динамику П. Флоренский связывает со скоростями, превышающими скорость света. Важным в этих трактовках является то, что они коррелируются с хайдеггеровским пониманием перехода из области несобственного в область собственного экзистирования. А именно, оклик совести, выводящий к подлинному у М. Хайдеггера и переворачивание «с ног на голову» у П. Флоренского коррелятивны для понимания специфической пространственности перехода, которая характеризуется близостью «неба» (света).

Характеристика области подлинного экзистирования основывается на герменевтической трактовке концептов М. Хайдеггера «четверица» и *Gegnet*. Эта область определяется исходя из близости далекого как далекого, т.е. сущее в подлинном экзистировании имеет собственное место, которое определено экзистенцией этого сущего.

В четвертом параграфе «Характеристики пространственности Dasein» дается характеристика области перехода от подлинного к неподлинному экзистированию, а также делаются выводы относительно областей экзистирования. Как отмечает Е. В. Борисов в статье «Феноменологический метод М. Хайдеггера» экзистенциальное движение есть движение на пересечение границ областей собственного и несобственного, и нельзя утверждать, что экзистенция, попав в область подлинного, там и остается. Динамика такова, что этот переход совершается не единожды. И учитывая то, что переход совершается не только от подлинного к неподлинному, но и наоборот, нужно охарактеризовать и другую динамику экзистенции. В данном случае важно понять каким образом и почему экзистенция переходит из области подлинного в неподлинное. Как думается, это становится возможным в силу круговой динамики экзистирования - экзистенция «всегда» возвращается к началу. В этом смысле путь Данте и Вергилия в «Божественной комедии» не заканчивается на том, что они вернулись в начало пути, им предстоит снова и снова его повторять. И каждый раз, несмотря на ошеломительный опыт переворачивания с ног на голову, переход от неподлинного к подлинному будет также ошеломляющим, «выворачивающим на изнанку». Т.е. метафорически характеризуя движение экзистенции, можно сказать, что подлинное экзистирование естественным образом возвращает к началу экзистирования и продолжается уже как неподлинное экзистирование, которое в свою очередь переворачиванием с ног на голову вводит экзистенцию в область подлинного. Поэтому переход от подлинного к неподлинному есть смысл интерпретировать как *Deja vu* (от франц. *Deja vu* — уже виденное), в связи с возвращением туда, откуда все началось.

Пространственность перехода от подлинного к неподлинному и наоборот разная. В случае перехода от неподлинного к подлинному размерность характеризуется тем, что «небо» оказывается экзистенциально ближе «земли». При переходе от подлинного к неподлинному экзистированию пространственность характеризует близость экзистенции для себя самой в *Deja vu*.

Таким образом, имеется четыре модуса пространственности экзистирования в зависимости от его хода. Это близость через подручность в неподлинном экзистировании, близость «неба» в переходе от неподлинного к подлинному экзистированию, близость далекого как актуально далекого в подлинном экзистировании и близость экзистенции к себе в переходе от подлинного к неподлинному экзистированию.

Третья глава исследования «Локализация настроения» состоит из трех параграфов и посвящена экзистенциальному определению пространства посредством локализации настроения.

В первом параграфе «Задачи локализации» устанавливаются задачи главы. А именно требуется более полная характеристика настроения как онтологической адекватности бытия и мышления. Т.к. предположение о пороге самочувствия, который придает настроению необходимую глубину для адекватного выражения и понимания местоположения экзистенции, нуждается в определенных уточнениях с точки зрения феноменальности настроения. Этот вопрос связан с тем, что самочувствие как онтологическое единство настроения и понимания нуждается в выделении из массы близких ему экзистенциальных состояний и описании как феноменального единства. Это в свою очередь должно коррелироваться с общей проблематикой диссертации, которая характеризует экзистенциальную определенность пространство посредством локализации настроения.

Другой задачей данной главы является установление способа локализации, т.е. того каким образом будет «измерено» местонахождение пороговой глубины самочувствия относительно той или другой близости. Проблема заключается в том, что локализация пороговой глубины может происходить разными способами в зависимости от того в какой области происходит локализации. Так, например, если в области собственного экзистирования локализация порога происходит посредством интерпретации и дескрипции экзистенциального настроения как актуальной дальности, то в несобственном пространстве это фиксируется через близость подручного и т.д. Т.е. требуется верификация, подтверждение того, что та или иная область экзистирования локализует настроение наиболее адекватным образом. Поэтому нужно определиться с тем, как тут должна пониматься локализация, имея в виду цели исследования.

Эти две задачи (сущностное описание экзистенциального настроения и определение способа локализации) и нужно решить, чтобы корректно локализовать порог самочувствия как «всеохватывающего понимания» в экзистенциально определенном пространстве.

Во втором параграфе «Координаты Данте» рассматривается и интерпретируется концепт В.А. Конева «Дантовы координаты», а также производится соотнесение топологической модели М. Хайдеггера и П. Флоренского с моделью В.А. Конева. И признается, что обе топологии коррелятивны, а именно: область *Deja vu* соотносительна прошлому в координатах Данте, т.к. место сущего в обоих случаях определяется исходя из близости к «моему» прошлому; область абсолютного коррелируется с пространственной определенностью подлинного экзистирования, т.к.

сущее локализуется, исходя из своего места, т.е. абсолютно независимо от другого; область подручного соотносима с определенностью доброго, поскольку пространственная определенность сущего выражается степенью подручности или доброты; область будущего соотносительна «небу», т.к. место сущего определяется посредством его близости к «свету» как экзистенциальной проекции будущего. Поэтому возможна схема топологии Dasein как координат Данте. Согласно этой схематике возможно определить место всякого сущего в экзистенциально значимом пространстве, исходя из его сущности. Поэтому, чтобы локализовать экзистенциальное настроение как адекватацию настроения и мышления, необходимо сущностно охарактеризовать настроение.

В третьем параграфе «Интервалы настроения» сущностно характеризуется настроение и феноменологически устанавливаются интервалы настроения на координатах Данте как экзистенциальная определенность пространства. Сущностью настроения в силу его непредметности (И.Н. Шкуратов) и отталкивающе-притягивающей действительности (М. Хайдеггер) является проективность Dasein (свобода выбора). А именно экзистирование как выбор возможного места Dasein формирует ту или иную настроенность экзистенции, которая выражает возможное как реальное переживание. Настроение – это экзистенциальное отношение к месту экзистирования. И в соответствии с топологической моделью координат Данте, настроение может иметь следующие интервалы.

Топологический предел «абсолютное (актуально далекое)» выражается в интервале настроений свобода-ужас. Ужас является отталкивающим настроением, в котором экзистенция выстаивает в Ничто как абсолютной негации сущего. В ужасе «здесь-теперь» экзистенции отталкивающе самопонимается как провал в Ничто и проседание всего сущего в целом. Другой предел этого интервала - свобода - это настроение притягивает и выражает «здесь-теперь» как самобытие и целостность.

Ось «подручное (доброта)» проецируется в «здесь-теперь» как интервал забота-скука. Забота притягивает, скука отталкивает. В заботе «здесь-теперь» самопонимается как «рабочее» место экзистенциальной активности, в котором достаточно средств для нравственного совершенствования. Кроме этого забота является открытостью доброго. В скуке отрицается всякая полезность и перспективность экзистенциальной активности «здесь-теперь».

Ось «прошлое (Deja vu)» проецируется в «здесь-теперь» через интервал настроений радость-тоска. В тоске отталкивающе самопонимается упущенное и невозвратное. Радость является притягивающим настроением и выражает «здесь-теперь» как «долгожданную» встречу.

Ось «будущее (небо)» проецируется в «здесь-теперь» интервалом настроений надежда-отчаяние. Надежда притягивает, отчаяние отталкивает. Отчаяние характеризует «здесь-теперь» как бытийный тупик и одиночество. Надежда выражает «свет» и вариативную просторность «здесь-теперь».

Исходя из полученных результатов исследования, производится локализация «всеохватывающее понимание» в экзистенциально определенном пространстве. Областью его локализации будет свобода как проекция абсолютного в «здесь-теперь». Такое соответствие основывается на экзистенциальной целостности самопонимания в свободе. Эта целостность является тем, что обеспечивает всеохватность понимания как истины.

В «Заключении» подведены основные итоги и предпосылки работы, а также намечены возможные перспективы дальнейшего развития исследования.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Шафер О.Б. Смысл буквального // Вестник ТГУ.- №304.- Ноябрь, 2007.- С. 59-61.
2. Шафер О.Б. Топология Dasein // Инициатива. Выпуск 7: Сборник материалов VIII региональной межвузовской конференции «Актуальные проблемы социальных наук».- Томск: ТГУ, 2006.- С.109-115.
3. Шафер О.Б. Топология Dasein как выбор Сократа// Сборник трудов I всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальной философии».- Томск: ТПУ, 2005.- С.160-163.